

18+

НИТЬ НА ТРОПЕ

РОМАН

УЛЬЯНА ГУСЕВА

Ульяна Гусева
Нить на тропе

«Издательские решения»

Гусева У.

Нить на тропе / У. Гусева — «Издательские решения»,

Елена бросила всё, чтобы выйти из тени своего отца — культового режиссера Германа Штейна. Но съемки нового фильма заставляют её вернуться к актерству и поиску себя. История о том, как трудно оборвать нить, связывающую нас с прошлым, и как важно найти свою собственную тропу.

Содержание

Часть 1 — клубок	6
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Нить на тропе

Ульяна Гусева

© Ульяна Гусева, 2026

ISBN 978-5-0069-8180-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1 — клубок

Глава 1

Сараево не видел горизонта — только хребты, замыкающие небо со всех сторон. Отсюда, с высоты кладбища, он казался игрушечным: красные черепичные крыши, тонкие иглы минаретов, паутина улиц. Тысячи белых надгробий тянулись по склону, как застывшая армия. Одинаковые, безмянные на расстоянии. Камень был теплым от апрельского солнца, но от земли тянуло холодом, будто внизу, под аккуратным газоном, до сих пор не закончилась зима. Ветер нес запах сухой земли и чего-то горького — то ли пороховой гари, то ли горной пыли. Здесь было тихо. Казалось, тысячи погибших не ушли, а просто застыли вокруг, охраняя затерянный среди хребтов город.

Мужчина сидел на каменных ступенях, сжимая в кулаке измятый листок. Архивная выписка. Одна бумажка, которая перечеркнула всю его жизнь.

— Всю жизнь гордился тем, что серб. А ради чего? — голос его был едва слышным, сухим. — Чтобы в пятьдесят узнать: те, кого я называл братьями, убили Ненада?

Я стояла чуть поодаль, в тени высокой стелы. Камера плавно наезжала на нас. Снимали одну из последних сцен. Он — мой экранный отец. Я — его дочь. А вокруг — кладбище, раскинутое над городом.

Камера медленно наезжала на Милоша. Он казался крошечной точкой среди тысяч мертвецов. В этот момент тишину кадра прорезал страшный, надрывный вой — где-то выше по склону женщина упала на колени перед одной из стел, оплакивая погибшего. Герой вздрогнул, медленно обернулся на этот звук, и в его глазах отразилась печаль.

— Лучше не родиться, чем быть слепым всю жизнь, — прошептал он.

Он медленно опустил на холодные ступени, лег, раскинув руки, и накрыл лицо тем самым листком из архива — приговором самому себе. Белая бумага на его лице выглядела как погребальный саван.

Но до этого момента мне предстояло пройти долгий путь. И начинался он совсем в другой точке — за тысячи километров отсюда, на острове, где никто не знал моего имени.

— Это ты во всем виновата!

Мерзкий звук выбил меня из сна — металл по стеклу, знакомый женский крик, который я узнала бы из тысячи. Я резко открыла глаза. Через окно пробивались жаркие лучи тайского солнца. Вдали виднелась буйная зелень, по дорогам разъезжали гудящие байки. Будильник на телефоне продолжал пищать, пока я не протянула руку и не выключила его. Семь утра. Пора вставать.

Ещё секунду назад я была там — в светлом, пропахшем спиртом помещении. Рядом на койке лежал отец, лысый, обездвиженный. Последние дни ему постоянно вкалывали опиоиды, и он едва понимал, кто перед ним. Я сидела на складном стульчике, выпрямившись, как струна, не зная, о чём говорить. И стоит ли.

А сейчас я лежала в своей маленькой уютной квартирке на Самуи.

Последние полтора года, как моя карьера актрисы закончилась, я блуждала по Азии — проехала практически всё от Казахстана до Филиппин. И в итоге остановилась на Самуи. Когда почти всю жизнь наблюдаешь дождь, а солнце кажется каким-то волшебным объектом, жизнь в Таиланде становится панацеей: оказывается, экзистенциальный кризис был не кризисом, а

отсутствием нормальной погоды — я как коренная петербурженка с уверенностью могу подтвердить это. Однако где бы ты ни был, ты всегда наедине с самим собой. А если разлад внутри, то и внешний мир помочь не сможет, пусть даже ты на райском острове среди пальм, тепла и одиночества.

Я собралась и уже через полчаса завтракала лучшим блюдом в мире — шакшукой и капучино. Ежедневный ритуал, чтобы шестерёнки в голове снова начали работать.

Декабрь в Таиланде ощущался странно после беспощадных петербургских зим, когда не знаешь, что тебя ждет сегодня: шоу на гололеде, уклонения от огромных льдин сверху или просто суровый мороз, из-за которого мечтаешь остаться дома, а не ехать на площадку. Числа в календаре говорили о зиме, а воздух пах морским бризом и теплым асфальтом.

Сознание всё ещё плавало где-то далеко за пределами кафе. Лишь взгляд уперся в вид за окном — береговую линию нежно-голубого цвета.

Море почему-то напомнило мне о первой поездке за границу с родителями. Лето перед первым классом, южное побережье Турции — то ли Каш, то ли что-то рядом, уже и не вспомню. В предпоследний день мы отправились на экскурсию: длинный живописный маршрут на квадроциклах. Я сидела с папой, держалась за его спину. Было страшно: на некоторых участках были огромные кочки и опасные подъемы. Казалось, одно неверное движение — и мы упадем. Но папа вёл уверенно и спокойно. Смотрела на его широкую спину и понимала: я в безопасности. В какой-то момент просто прильнула к нему и обняла — так крепко, как позволяли мои маленькие ручки. Папа удивился и спросил, всё ли хорошо. А я ответила, что люблю его. В тот день родители не ссорились, а наоборот — шутили, смеялись, обнимали меня. Мы даже сделали фотографию: втроём на одном квадроцикле, а сзади — потрясающий вид на обрыв. А сейчас, спустя почти два десятка лет, я смотрю на другое море — совсем другого оттенка.

Воспоминание растворилось, когда я допила кофе и взглянула на часы. Сегодня был показ — молодая пара из Москвы хотела посмотреть виллу с видом на море, а я должна была сделать всё, чтобы продать им её.

Я села на байк и поехала по узким улочкам Самуи. Ветер трепал волосы, солнце пекло затылок. Последний год я работала агентом по недвижимости — показывала виллы и апартаменты. Иногда для продажи, иногда под сдачу. Не скажу, что эта работа — предел моих мечтаний, но она неплохо оплачивалась и позволяла мне самостоятельно жить в совершенно новом месте. А главное — здесь меня никто не знал. Я построила новую жизнь с чистого листа, пускай сейчас она ощущалась еще хрупко, словно я играла в дженгу и переставляла длинные бруски наверх, надеясь, что конструкция не упадёт. И пока она держалась.

Вилла была на холме, с панорамными окнами и бассейном, выходящим прямо к джунглям. Пара уже ждала у ворот — бородатый мужчина в футболке Balenciaga и леопардовых шортах и блондинка в спортивном топе и шортах. Никогда не понимала тягу носить бренды на острове — ты здесь как на даче, потому всякие объекты со следами «лакшери» мира смотрелись инородно и даже комично. Но зато так было легко определить своих. Или по белой льняной пляжной кофте с капюшоном — тут два беспроектных варианта. Две стороны одной медали, которые объединяет абсолютная посредственность.

— Здравствуйте. Елена, — я протянула руку, надевая рабочую маску доброжелательности.

Показ шёл по стандартному сценарию, пока в гостинной девушка не замерла, сканируя моё лицо.

— Подождите... Вы ведь снимались? Саш, это же она! Из «Девушки с Рублёвки»!

Я почувствовала, как внутри что-то привычно сжалось. Она быстро загуглила: на экране вспыхнула я — на три года моложе, в атласе, под вспышками камер. Актриса Елена Штейн.

— Да, это я, — тихо ответила я, глядя на своё цифровое отражение.

— Боже! Я обожаю этот фильм! А что вы здесь делаете?

— Как видите, — я обвела рукой панорамные окна, — продаю вам недвижимость.

К восьми вечера, после четырёх показов и ста километров на байке, я упала на постель. Ноги гудели, а голова была похожа на переполненную корзину с мусором. Удивительно: на съемках я могла проводить на ногах по двадцать часов, бегать, кричать, бесконечно повторять текст — и это меня заряжало. Показ же виллы за полмиллиона долларов иссушал до дна. Чтобы не «схлопнуться», мне нужна была подзарядка.

Сообщение от Милы пришло вовремя: «Лена, мы в баре. Все в силе?». Я посмотрела на время — восемь вечера. Тело просило остаться в постели, голова — поехать проветриться. Постоянный бой между этими двумя изматывал. «Приду», — ответила я.

Мы встретились в небольшом баре на Чавенг — в том самом месте, где по вечерам пахло жареным луком и морем одновременно, где половина посетителей говорила по-русски, а вторая половина делала вид, что не замечает первой. Излюбленное экспатское место, где всегда чуть громче, чем нужно, и чуть уютнее, чем того ожидаешь. Двое — совсем недавно поженившаяся пара, Мила и Лёша — уже ждали за столиком. Рядом с ними сидел наш общий друг Максим — высокий, с вечно растрепанными светлыми волосами и широкой улыбкой, от которой всегда веяло расслабленностью. Ожившее слово «сабай». Он галантно отодвинул соседний стул, и я приземлилась рядом.

— Наконец-то, — Макс улыбнулся и едва заметно коснулся моего плеча. — Мы уже думали, ты не придёшь.

— Я тоже, — честно призналась я. — Во что играем?

— Сначала поболтаем, потом думали в мафию, — сказал Лёша, отпивая пиво. — Тут как раз человек восемь вместе с ребятами с соседнего столика. Даже маски взяли.

Мне тут же налили холодный чай с лемонграссом. Разговоры текли по привычному кругу: виза-раны, банковские счета, котировки биткойна. Мила рассказывала, как открывала счет в Грузии, Лёша жаловался на тайские банки, Максим шутил, что проще всё держать в крипте и выводить через обменники.

— А что, кто-то ещё держит всё на вкладах? — искренне интересовался он.

— Только те, кто не относит себя к лудоманам, — парировала Мила.

Так медленно тёк вечер. Затем заговорили о работе. Мила и Лёша работали в одной компании, но на разных позициях. Уже не самая удивительная история, когда девушка в паре — амбициозный управленец, а мужчина — домашний аййтишник. Их сочетание покорило меня с первой встречи: буйная кудрявая маленькая Мила и огромный, безобидный, словно плюшевый медведь, Лёша, который почти никогда ни на кого не злился и постоянно успокаивал её, если той что-то не нравилось. Перец чили вместе с нежным кабачком — почему-то я их видела именно такими. Макс же был... я так и не поняла, кем он работал: вот крипта, там упало, тут подняло, блог об инвестициях, видеокружок о ситуации на рынке. Что-то он делал, но что — непонятно. Назовём это «темщик».

— А как твоя работа? — спросил Макс, заканчивая очередной спор о лучших методах капиталовложения с Милой.

— Забавно, что со всеми нами ты так и познакомилась, показывая объекты, — заметил Лёша.

Я кивнула.

— Турбулентно, — честно ответила я. — Мне пока непросто, ведь это совсем другое дело, к которому меня никогда особо не тянуло. Зато в совершенно новом месте.

Максим поднял бокал.

— За новое место!

Мы чокнулись. Он при этом посмотрел на меня чуть дольше и, наклонившись, тихонько сказал: «За то, чтобы оно перестало быть „новым“».

Вскоре достали карты, начали раздавать роли, я вытянула мафию. И как обычно — чужая среди своих. Чуть позже Мила позвала под Новый год в местный храм к монаху, который, по слухам, умел гадать. Не было причин отказаться — и мы договорились о точной дате.

Когда вечер закончился и мы вышли на улицу, Макс осторожно придержал меня за локоть.

— Тебе куда? Подвезу.

Я хотела сказать, что доберусь сама. Но его Kawasaki Ninja красного цвета уже стоял рядом, и мужчина протягивал мне шлем. И я села. Прижалась к его спине, чувствуя тепло тела сквозь тонкий лён. Мы ехали по ночному острову, мимо закрытых лавок и сонных пальм. Я сидела, крепко сжимая бедрами мотоцикл, глядела на сонный остров и думала о том, как хрупко себя чувствую прямо сейчас. Любое резкое движение — и я упаду. Слишком быстрый газ или неожиданный тормоз — и я на дороге. Всё это так пугало, пусть я и чувствовала, что мы едем спокойно, словно мужчина ощущал мой страх. Я покрепче ухватилась за его торс руками и чуть наклонилась, чтобы ощутить себя прочнее. И наконец выдохнула.

Блеклые, ещё сплетенные с ночью лучи озарили комнату. Я приоткрыла глаза, рядом звучал непривычный, тихий храп — Макс спал, повернувшись к стене. Простыня сбилась, на плече виднелась татуировка змеи, которую я раньше не замечала.

Я тихонько встала, подобрала с кресла тонкое одеяло, накинула на плечи и вышла на балкон. Остров ещё не проснулся. Воздух был влажным, пах чем-то цветочным — не знаю, чем именно, но этот запах я успела полюбить за время здесь. Где-то вдали — тонкая полоска рассвета. Розовато-серая, едва пробивающаяся сквозь темноту. Я стояла и смотрела на неё, завернувшись в одеяло.

Актриса Елена Штейн. Я произносила это имя в голове — как что-то чужое, незнакомое. Имя, которое когда-то означало что-то конкретное: площадка, свет в лицо, текст, выученный до автоматизма, режиссерский голос из-за камеры. Ощущение, что ты нужна именно здесь, именно сейчас, именно такой.

А теперь я была просто Еленой. Девушкой, которая продает недвижимость незнакомым людям на тропическом острове. Одеяло соскользнуло с плеча. Я поправила его и осталась стоять, пока рассвет медленно набирал цвет.

Глава 2

Я полулежала на постели с открытым ноутбуком и общалась с психологом. Хоть и не верила, что сессии помогут, но и не считала их совсем уж лишними. Особенно после того, как у меня впервые случилась паническая атака из-за обычного прыща на теле. Тогда мне показалось, что у меня отек Квинке и я вот-вот задохнусь. Или, может, меня укусило опасное насекомое — и опять же — я сейчас умру. После того как я потратила кучу денег, чтобы узнать, что со мной всё в порядке, я решила: самое время поговорить со специалистом.

Мы созванивались раз в неделю. Не знаю, дарило ли мне это спокойствие, помогало ли, но внутри становилось немного легче. Плацебо или нет — что-то в этих сессиях всё же было. А может, мне просто была нужна пара ушей, которой можно рассказывать о себе что угодно и не испытывать при этом стыд или неловкость.

— Итак, — продолжила серию выстрелов вопросами из дробовика психолог, — Елена, вы сказали, что не понимаете, что должны чувствовать: скорбь или ненависть. И можно ли вам это испытывать. Почему вам кажется, что вы не имеете право на эти эмоции?

Её взгляд даже через стекло ноутбука проникал внутрь меня. Она смотрела внимательно, слегка надменно, будто наблюдала, как маленький ребёнок учится очевидным для всех вещам. Казалось, она уже всё про меня знает, но ей нельзя говорить — только ждать, пока это дойдет и до меня.

Я глубоко вздохнула и начала объяснять:

— Мой отец умер полгода назад. Он болел много лет, но была ремиссия. А потом болезнь взяла верх после одного инцидента, — тут я на мгновение замялась. — И он сгорел. Всего за год. Ему не было и пятидесяти.

Я замолчала, опустив глаза.

— И я испытываю странные чувства из-за этого. Точнее, клубок чувств. Словно множество разных ниток запутались и теперь я никак не могу в них разобраться. Это и гнев, и ненависть, и вина, и...

— Печаль? — уточнила психолог.

Я невольно усмехнулась. Теперь это был выстрел прямо в точку.

Почему я испытывала такой спектр эмоций к этому отвратительному человеку? Пускай он и был талантливым творцом, и я сама мечтала сняться в его фильме, но он был ужасным отцом и мужем. Лучшее, что он сделал для нас с мамой, — это развод. Его вечные пьянки, ругань, регулярные измены, которые он плохо скрывал, ни грамма стыда. Лишь абсолютная уверенность в своей правоте и исключительности. И, к тому же, благодаря нему и моя карьера подошла к концу, толком и не развившись.

Ненавижу свою печаль, которой, как будто, уже следовало бы закончиться вместе с тем, как его гроб погребли в землю. Это был единственный момент, когда я позволила себе заплакать, прикрываясь ветками сухого, выцветшего дерева. Я думала, что нет ничего хуже, чем когда ты толькоходишь в церковь и видишь перед собой гроб и внутри — просто тело. И мертвое лицо. Раньше оно принадлежало определенному человеку, а теперь это просто маска. Немного вздутая, неестественная.

Когда я впервые столкнулась со смертью, это были похороны моей бабушки, то не смогла сдержаться и выбежала из помещения, залитая слезами. Вот был человек — и вот его нет. Обычно нежное, добродушное выражение лица сменилось иссохшими морщинами и фарфоровой кожей. Лицо — то, что дает тебе чётко осознать одну болезненную вещь: человека, которого ты знал, больше нет.

Но на похоронах папы я держалась до последнего, чем очень гордилась, пока не увидела момент закапывания. Тогда что-то дрогнуло внутри, ведь это стало вторым подтверждением

того, что отца больше нет — его «бренное» тело отделяют от нашего мира и отправляют в другой. Физическая оболочка официально исчезает, и остаются только воспоминания.

Хоть Герман Штейн и был просто человеком, его похороны все же отличались от обычных. Все столпились вокруг могилы одной большой черной тучей — и семья, и коллеги с киноиндустрии, и, конечно же, женщины всех возрастов и мастей. Все плакали, говорили проникновенные слова. И лишь я одна не понимала, что должна испытывать. Ведь это погребенное тело и было моим отцом, признанным режиссером, но также оно было плохим человеком. Укол вины — и слова тети после похорон: «На поминки не приходи, дрянь».

— Напишите письмо, — внезапно предложила психолог. — Представьте, что пишете своему отцу, и расскажите обо всём, что вас гложет.

Идея ощущалась как звонкая пощечина. Конечно, как я не догадалась решить свои проблемы письмом? Вот я глупая!

— Вы когда-нибудь испытывали вину из-за чьей-то смерти? — внезапно спросила я.

Психолог посмотрела на меня с непониманием.

— Все считают, что именно я виновата в смерти отца. А я вот не понимаю, что чувствую сильнее: вину, ненависть или жалость, что так и не плюнула ему в лицо. И хотя бы на могилу...

Психолог посмотрела на меня круглыми глазами. Видимо, ещё не было того, кто хотел бы оплевать родительскую могилу. Что даже странно — у нас процент разводов так-то выше восьмидесяти процентов! У кого не спросишь — всегда какие-то сложности с отцом. Это что-то вроде нашей культурной особенности. У одних Эдипов комплекс, у других — Антигоны. У третьих просто комплексы — там уже пусть сами составляют свой коктейль из вины, стыда, чувства неполноценности и тревоги.

Как только психолог собралась что-то ответить, я лишь резко оборвала её. Пока мне хватило однообразных советов и глупых вопросов. Лучше попробую опцию с буддийским монахом.

Спустя пару часов я лежала на кровати с книгой, укрывшись тонким пледом, который в Азии считался скорее аксессуаром, нежели полноценным одеялом. Тонкий щит от назойливых комаров. Я читала «Гарри Поттера». В такие периоды, как сейчас, совсем не тянуло к сложной литературе. Хотелось чего-то волшебного, лёгкого. Место, где можно спрятаться между страницами и на время забыть о реальном мире. Вот так за полтора года я докатилась до фэнтези вместо привычных сценариев.

Я дошла до момента с зеркалом Еиналеж. Гарри стоит перед ним и видит тех, кого у него больше нет, — родителей. Семью, которую он никогда по-настоящему не знал, но отчаянно хотел бы увидеть, особенно на Рождество. И вдруг поймала себя на том, что перестала видеть текст. Передо мной возникло другое зеркало — то, что стояло у нас дома, когда мы жили ещё вместе с отцом. Прозрачное, холодное, будто из воздуха. В нём я увидела себя маленькую — будто только что вернувшуюся из первого путешествия. С растрепанными волосами, в огромной футболке, которую когда-то таскала как платье. А рядом стоял папа. Такие же большие чёрные глаза, как у меня, — смотрели словно сквозь тонкую прослойку зеркала. Он молчал — не улыбался и не злился, просто глядел прямо в меня. Я задержала дыхание, будто могла спугнуть это видение. Затем появилась бабушка. Она мягко улыбнулась мне, словно мы только недавно виделись. А потом в отражении появилась мама. Молодая и красивая, еще не растерявшая себя в тяжелых отношениях с гением-нарциссом. Они помахали мне и исчезли. Осталась только я, глядящая на свой маленький одинокий силуэт.

А если?.. Если мне сейчас позвонят? Если скажут чужим, официальным голосом: «Елена, вашей мамы больше нет»? Картина начала раскручиваться сама, без моего разрешения. Я уже видела, как падаю на пол. Как не понимаю, куда идти и что делать. Как сижу на кровати в чужой стране и не могу дышать. Как покупаю билеты, путаюсь в датах, теряю паспорт, плачу в аэропорту. Как прилетаю в Петербург, в котором воздух теперь ощущается как ртуть. Как

разбираю её вещи. Как остаётся запах духов на шарфе. Как больше никто не говорит моё имя так, как говорила она. И не обнимает так тепло, как обнимала она.

Горло резко сжалось, словно на нём туго затягивали шнуровку. Я попробовала сглотнуть — и не смогла. Воздух стал густым, как мокрая ткань, которой закрывают лицо. Грудь сдавило, но сердце застучало уже не в груди — его гул будто расходился по всему телу. Пальцы похолодели.

Я сидела на кровати с книгой, но больше не понимала, где нахожусь. Комната исчезла, всё вокруг испарилось. Осталось только одно ощущение: липкий страх. Я попыталась вдохнуть глубже, но вдох получился рваным, коротким. Как будто лёгкие на секунду забыли, как дышать.

Внезапно передо мной появилась едва различимая дымка. Из нее появились мужские руки, и они сомкнулись на моей шее. Крепкие и такие знакомые. Я не могла пошевелиться и уперлась взглядом в лицо. Из дымки появились очертания — это был отец. Со спокойным выражением, словно читал сценарий, он методично продолжал душить меня. А я, словно парализованная, закрыла глаза, чтобы не видеть его, и начала дышать.

Первые вдохи выходили рваными. Воздух входил слишком быстро и тут же застревал в горле, словно проход был слишком узким. Сердце всё ещё колотилось где-то в висках, в пальцах, в животе. Постепенно воздух стал проходить чуть свободнее. Шум в голове начал стихать, и вместе с ним медленно возвращались стены комнаты, свет лампы, тяжесть книги в руках.

Я всё ещё сидела на кровати. И просто дышала. А когда наконец успокоилась, потянулась к телефону и набрала маму. Гудок. Второй. Третий...

— Елена? — раздался в трубке живой, слегка встревоженный голос. — Я тут схожу с ума с новым автором. Ну кто так пишет? Что за «вайб»? Кто его учил упрощать язык до уровня школьных тиктоков?

Я рассмеялась сквозь слезы.

Она была жива. Видимо, сидела сейчас на кухне и читала новый текст — пребывала в редакторском гневе от очередного автора. Бывшая сценаристка, оставившая дело после окончательного разрыва с отцом, теперь искала новые литературные таланты и помогала им раскрывать свои способности.

— Мам, привет... — сказала я тихо.

— Ты чего напряженная? — сразу насторожилась она. — Что-то случилось?

Я слушала её дыхание. Как она перекладывает что-то на столе, щёлкает клавиатура. Как делает очередную затяжку и выдыхает дым.

— Всё хорошо, — соврала я и тут же добавила: — А ты вообще-то бросала курить!

— Ох, только не начинайте, Елена Германовна. Не выдержу ваши нотации. Лучше расскажи, как ты?

Каждое её слово будто возвращало меня в реальность. Она рассказывала, как работает над новой книгой и как её раздражает восемнадцатилетний шкет, работу которого ей подсунули с просьбой «помочь издаться».

— Он ведь даже не отличает слово «абонент» от «абонемент»! — восклицала мама. — Как он только ЕГЭ сдал?

Я улыбнулась — это ворчание было в её стиле.

— Ты сейчас работаешь? — внезапно спросила мама.

— Закрыла уже четыре сделки в этом месяце, — гордо ответила я.

— Я про твою актерскую карьеру. Мне тут вчера звонил Борис Павлович, ты ведь помнишь его?

Как забыть лучшего друга папы, с которым они дружили чуть ли не с пелёнок. Успешный кинопродюсер, который поддерживал все творческие начинания отца и в каком-то смысле помог тому стать известным режиссером.

— Он готовит новый фильм, сейчас активно проводят кастинг. И Борис Павлович очень хочет, чтобы именно ты снялась в нём.

Я словно коснулась электрического провода, который ударил разрядом по всему телу. То, о чём мне было так больно и сложно думать, и то, о чём я так отчаянно мечтала.

— Я не буду сниматься, мама, — резко перебила её. — Если это всё из новостей, то я пойду.

— Лена, уже полтора года прошло после... всего случившегося, — настойчиво продолжила мама. — Я не настаиваю, но ты слишком хорошая актриса, чтобы просто так отказаться от своего таланта. Твой отец...

Я снова прервала её.

— Видимо, отец забрал мой талант вместе с собой на тот свет.

Я пыталась сказать это с сарказмом, словно дерзкую шутку, которую мне не страшно озвучить. На мгновение замолчала, почувствовав, как в горле снова образовался комок.

— Да и мне уже хватило добрых слов от тёти Даны и этих двух иждивенцев.

— Что бы они ни говорили, солнышко, ты должна четко понимать: ты не виновата. И все это понимают. А даже если ты в чём-то не уверена, помни, что я на твоей стороне и твоя мама любит тебя сильнее всех на свете.

Я улыбнулась, где-то внутри разлилось тепло. Пускай мир ощущался как нечто враждебное, где ты барахтался в одиночестве, выживая среди постоянных перепадов от шторма к водовороту, пока был хотя бы один человек, готовый протянуть тебе руку, чтобы помочь обратно забраться на лодку, все не зря.

Глава 3

Я проснулась ранним утром, когда первые лучи только начинали пробиваться сквозь ночную пелену. Звёздное небо медленно растворялось, уступая место новому дню. Глядя на эту тонкую полоску света на горизонте, где встречались ночь и утро, словно схлестнувшиеся в своем ежедневном поединке, я вдруг подумала: наверное, именно так и выглядит течение времени. Обычно оно почти незаметно, привычно, как дыхание. Но именно в такие мгновения — на рассвете или на закате — можно особенно ясно почувствовать его движение.

И всё же иногда кажется, будто оно застывает. Будто мы живём внутри огромных песочных часов, которые снова и снова переворачивают, и время начинает течь заново. Смотришь на рассвет — он сменяется днём. Смотришь на закат — приходит ночь. Всё повторяется. Так движется ли время вперёд? Или мы просто существуем в замкнутом круге? Почему мы вообще решили, что оно идет только в одну сторону? Потому что наступает новый календарный день? Или потому, что мы стареем?

А если я стою на месте — значит ли это, что и время остановилось вместе со мной? Или, наоборот, именно сейчас я впервые почувствовала его настоящую природу — его цикличность?

Мысли начали сплетаться в тугую клубок, от которого гудела голова. И тогда я просто поехала к морю.

Раннее утро, рассвет у моря, легкий бриз и едва слышные крики полусонных чаек. Мягкий песок, который обволакивал мои ступни, твердые камушки, ощущавшиеся при ходьбе. И я, одинокий вытянутый силуэт, пытавшийся слиться с пейзажем и стать его частью.

Последние месяцы мне казалось, что море внутри меня окутывал штиль, и мое внутреннее состояние было куда сноснее и спокойнее, чем раньше. Однако мысли об актерстве не давали мне жить — они изводили меня. Но еще больше меня мучила мысль о том, что будет, если я вернусь. За полтора года я смогла побороть этот соблазн и построить свою новую жизнь.

Сейчас это море снова начинало бурлить, но то были подводные течения. Казалось, если спрыгну в воду со своей спасательной шлюпки — они сразу унесут меня на самое дно. А может, я и так была там. И, наоборот, спустя полтора года впервые вижу едва пробившийся луч света.

Внезапно в памяти начали всплывать едва зажившие воспоминания. Съёмочная площадка, я под яркими прожекторами, жёсткий, оценивающий взгляд отца — единственное, что я могла разглядеть среди всего. Ощущение ничтожности и бесполезности, когда всё то, что ты годами строил — кирпичик за кирпичиком — за один раз уничтожают, вытирая об это ноги. «Моя дочь так играть не может! Убирайся с площадки и не приходи сюда, пока собираешься делать вид, что ты актриса!»

И вот я бегу. Песок под ногами — рыхлый, тяжёлый; каждый шаг оставлял глубокую, быстро осыпающуюся лунку. В этом беге я физически чувствовала, как всё, что я по крупинкам собирала все эти месяцы, снова идёт трещинами. Будто из меня, как из плохо склеенной скульптуры, вываливались камни — те самые, из которых я когда-то состояла. Дженга начинала рушиться.

В ушах, перекрывая свист ветра, набатом гудел голос диктора: «Скандал между Штейнами всколыхнул индустрию... Фильм „Расстояние“ заморожен... Режиссёр в реанимации...»

Я бежала вдоль берега, глядя не столько вперёд, сколько куда-то в себя. Высокая, властная фигура снова возвышалась надо мной, лишая кислорода и почвы под ногами. Казалось, он сейчас был здесь. И я бежала. Точнее, убегала. Глаза жалили неконтролируемые слёзы, из-за которых всё смазывалось. Что-то цеплялось за ноги, пытаюсь остановить. Презрительный взгляд отца, надменный — у сводных братьев, злой — у тёти. «Герман попал в больницу из-за тебя! Это ты виновата!»

Я прыгнула в воду прямо в одежде. Тяжёлая ткань платья тут же облепила ноги, потянула на дно. Я нырнула, погружаясь в глухую, ватную тишину, и закричала. Пускай рыбы слушают этот вой, пускай море забирает то, что меня гложет.

Когда всплыла, небо стало нежно-розовым, утреннее солнце уже полностью озарило пляж. Голоса в голове смолкли. Я замерла на поверхности, раскинув руки, и вдруг остро почувствовала себя карикатурой. Словно из плохого ремейка Шекспира — только тут два в одном: и тень отца, и желание сигануть в воду. Как же это пошло и вторично. Уж лучше бы была Мирандой.

Я пролежала так минут десять, пока пальцы не занемели от холода. Вышла на берег и внезапно увидела неприятный сюрприз. У штатива, на котором стояла «Алекса» с огромным объективом, стоял парень в расстёгнутом гидрокостюме. На его плече синела татуировка, а в руках он держал монитор SmallHD. Он смотрел на меня с тем специфическим интересом, с каким операторы смотрят на удачный «блик» или фактурную стену.

— У нас фокус на бесконечность стоял, — бросил он. — Но ты вписалась. Прямо в рапиде.

Мы сидели в кафе — дощатый сарай, два стола, запах пережаренного масла и пад тая. Снимавший меня мужчина, представившийся Сашей, листал плейбэк на айпаде. Туда же внимательно смотрел такой же молодой, но гораздо более смазливый парень, развалившийся на стуле, с красными, уставшими глазами и глубокими синяками.

— Елена, так? — Саша едва заметно улыбнулся. — Я режиссёр клипов. А это Игорь. Думаю, ты его знаешь.

Они стукнулись кулачками — отработанный жест для прессы или фанаток. А я просто кивнула. Хоть и не особо следила за исполнителями, особенно если это не были американские рэперы, но сразу узнала его, пускай сначала и сомневалась. Передо мной сидел Игорь Туманов, или 2ман, чьи «Наперегонки» разрывали чарты последние пару месяцев.

Вспомнила песню, и в голове всплыл тот самый бит: гитарный чёс и рваный ритм барабанов. Трек о человеке, который бежит наперегонки со своим внутренним «я». Сама слушала его на повторе, когда казалось, что прошлое вот-вот меня сожрёт.

— Мы ловили рассвет, — продолжил Саша. — Оператор снимал панораму берега, и тут появляешься ты. Сначала шла в трансе, потом рванула, будто за тобой кто-то гнался, а потом этот нырок. Это было... как картина Хайзера. Мы хотим добавить это в клип.

— Ты просто идеально подходишь для нашей задумки, — вмешался Игорь, коснувшись своей влажной ладонью моей руки. — А ещё мы не могли оторваться от тебя, пока наблюдали.

— К тому же ты с опытом, — подхватил режиссёр. — Мы тебя тоже узнали, Елена Штейн. В голове снова ударило: «Это ты виновата».

— Я больше не играю, — тихо сказала я.

— И не надо играть, — перебил Игорь. — Просто будь в кадре. Платно, по бартеру — как хочешь. Всего на неделю.

Я посмотрела на темно-синюю линию моря, сливающуюся с яркими лучами солнца. Когда ты разрушен, у тебя остаётся всего два пути: так и лежать грудой осколков — или начать собирать себя заново. И где-то внутри я вдруг почувствовала едва тёплый огонек.

— Только если я отсмотрю монтаж, — твёрдо сказала я. — И жду гонорар.

Мы заключили договор крепким рукопожатием.

Следующие восемь дней мы жили как «кочующий цирк». Call-time в пять утра. Завтрак в придорожных лавках рисом с яйцом и «копи» — густым, как дёготь, кофе. Я узнала, что до меня у них была другая актриса — пассия Саши, типичная «инста-дива» с пухлыми губами. Она стояла за плейбэком, курила и смотрела на меня с таким презрением, что я окончательно расслабилась. Раз ненавидят — значит, получается.

Мы снимали везде — до и после моей основной работы. На пляжах, где песок царапал босые ноги, в джунглях, где воздух пах прелью и сладкими цветами.

Один день запомнился особенно. Мы стояли на скальном выступе над морем. Оператор выстраивал кадр минут двадцать — ловил момент, когда облако закроет солнце и даст мягкий, рассеянный свет. Саша ходил вокруг меня, щурясь, как скульптор перед глыбой мрамора. «Чуть левее. Подбородок ниже. Не дыши». Я стояла на ветру, в тонком платье, которое липло к телу, и пыталась удержать выражение лица — не грусть, не пустоту, а что-то между: момент, когда человек перестал бороться и просто отпустил. Это было сложнее, чем казалось. Потому что внутри я ничего не отпускала.

— Мотор! — крикнул Саша.

И вдруг всё исчезло. Ветер, камера, люди — остались только я и кромка обрыва. Тело знало, что делать: оно помнило площадку, помнило свет, помнило, каково это — быть в кадре. Мышечная память актрисы, которую нельзя стереть, как бы ты ни старалась.

На перекуре Игорь сел рядом на камень, протянул бутылку воды.

— Знаешь, что в тебе цепляет? — спросил он, глядя на горизонт. — Ты не играешь. Вообще. Ты просто... присутствуешь. И от этого невозможно отвести глаза.

Я усмехнулась.

— Это потому что я разучилась играть.

— Ну, — он пожал плечами, — может, это и есть высший пилотаж. Мне бы так на сцене.

Тревога отступала с каждым днём. Оставался лишь процесс: «Мотор! Камера! Пошла!»

Так, в одно мгновение, пролетели съёмки. Всё подошло к концу, словно рваный, чересчур яркий сон, из которого меня резко вышвырнули в реальность.

В последний вечер, когда мы праздновали «шапку», я впервые за долгое время поймала то самое забытое чувство. Глубокое, вибрирующее удовлетворение. Момент, когда история, в которую ты вложила частичку себя — иногда притворную, иногда вымышленную, а иногда самую искреннюю, на которую была способна, — наконец отделяется от тебя и начинает жить.

И тогда вернулось то, чего мне так не хватало. Свет. Не метафора, не красивое слово — ощущение, которое я знала с первого выступления на сцене. Словно из меня исходила физически ощутимая энергия, заполнявшая всё пространство вокруг. В этом состоянии ты вдруг осознаёшь, что можешь излучать это сияние и дарить его другим — выжигая им сетчатку, заставляя смотреть только на себя. Нет места страху или сомнениям. Есть только этот ослепительный, вибрирующий свет внутри, который требует выхода. Так я всегда ощущала себя, когда снималась. И так — впервые за полтора года — снова ощутила себя сейчас. Этот свет и был тем, что отличало актёра от всех остальных на площадке. Не талант, не техника — а именно это горение, от которого ты либо зажигаешь других, либо сгораешь сам.

Я вышла к байку. Завела мотор. Резкий рык разрезал тишину аллеи. Выжала газ — ветер срывал с меня остатки грима и липкую усталость съёмок. Пятьдесят. Семьдесят. Сто десять. Стволы деревьев мелькали по бокам, превращаясь в размытый частокол. Я бросила короткий взгляд в зеркала: огни ресторана, затихающие голоса, силуэты прошлого — всё стремительно уменьшалось, превращаясь в пыль на обочине.

Я крутанула ручку газа до упора. Мне не было страшно. Впервые за полтора года я не убегала, а просто летела вперёд, пока дорога оставалась прямой. И это был первый раз, когда я решилась перешагнуть свой внутренний лимит в шестьдесят километров в час.

Вечером экран телефона был единственным источником холодного света в комнате. Предстояло обязательство, которое тянуло за плечи не хуже мокрого гидрокостюма, — звонок тёте Дане. Юбилей — пятьдесят лет. Мама настаивала на «семейном этикете», будто мы всё ещё были той самой образцовой семьёй из интервью «Кинопоиску», а не незнакомцами, которые заочно ненавидели друг друга.

Я набрала номер. Гудки были длинными, нервными. Я уже почти коснулась кнопки сброса, готовая с облегчением провалиться в тишину, когда в трубке щёлкнуло.

— Алло? Кто это? — голос тёти прозвучал сухо, с той самой фирменной штейновской хрипотцой, которую она пестовала годами.

— Тётя Дана, это Елена. Я хотела поздравить вас...

— Как у тебя хватает наглости? — голос моментально превратился в скальпель. — Я же заблокировала твой номер? Никогда, слышишь, никогда больше не смей мне звонить!

Короткие гудки ударили по ушам.

Я отложила телефон на покрывало. Впрочем, иной реакции и не ждала. Отписалась маме коротко: «Поздравила. Кажется, она не была мне рада». Ответ пришёл мгновенно — мягкая попытка задрапировать правду: «Наверное, Дана просто устала. Или снова открыла бутылку из коллекции Германа. Не бери в голову, солнышко».

Но я знала. Для них — для всей этой породистой ветви по папиной линии — я была не дочерью, не сестрой и не племянницей. Дана строила из себя главную хранительницу архивов; братья делили в судах авторские отчисления за папины ретроспективы в «Иллюзионе», при этом не снявшие в жизни даже короткого метра. Они жили за счёт наследства, бережно полируя легенду о «великом Германе Штейне».

В их версии истории я была убийцей. Паршивой овцой, которая довела мастера до смерти. Слишком неудобным напоминанием о том, что за глянцевым фасадом гения был простой изменщик.

Нить, связывавшая меня с семьёй, давно оборвалась и превратилась в обычную удавку.

Глава 4

Под конец декабря мы с Милой поехали в храм Wat Plai Laem. На тот момент я уже расхотела с кем-либо встречаться и гадать, потому просто решила погулять по его территории — он всё равно входил в базовую туристическую программу острова. Было бы глупо пропустить. Моя подруга, впрочем, ехала с другими целями. Мила мечтала заработать на виллу, или хотя однушку, на Самуи и хотела погадать, когда это произойдет. И произойдет ли. Она вообще была из тех людей, которые искренне верят, что правильно загаданное желание в правильном месте обязательно сбудется — и это в ней было одновременно трогательно и немного утомительно.

Дорога к храму шла всё дальше от туристических улиц: исчезли кафе с неоновыми вывесками, стало тише — меньше байков и суеты. Вокруг появлялось всё больше зелени, пальмы росли плотнее, их листья шелестели на ветру, воздух становился другим: не солёным, как у моря, а влажным и тёплым. Асфальт сменился узкой дорогой, по краям которой росли деревья с причудливо изогнутыми стволами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.